

ЗА
ОРЕХОВОЙ
ГОРОЙ

роман

ТАТЬЯНА
СОФРОНОВА

16+

Татьяна Софронова
За Ореховой горой

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Софронова Т. П.

За Ореховой горой / Т. П. Софронова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-06654-0

Настоящие вихри страстей крутятся вокруг главной героини романа Юлии Столбовой: первая любовь к одному учителю и жестокая война с другим, любовь-боль к своей земле фермера из девяностых, фееричная любовь поэта к своей музе, трогательная привязанность маленького узбека с умственной отсталостью к учительнице. И свидетелем всему этому - прекрасная Ореховая гора, за которой обязательно будет счастье. Для любителей теплых и глубоких книг.

ISBN 978-5-532-06654-0

© Софронова Т. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Часть 1

Встань прямо!

1992 год

Глава 1

– Только бы не заметили! Только бы не заметили! – с тревогой думала Юлька, осторожно выглядывая из учительской раздевалки. У нее, конечно, была припасена версия на случай прокола – сказала бы, например, что положила в карман мамино плаща ключ от дома. Но лучше бы все прошло чисто!

Подходил к концу последний урок. В широком коридоре, навсегда пропахшем капустным столовским супом, было пусто. Юлька на цыпочках пробежала вдоль китайских роз и фикусов, росших в больших деревянных вазонах между окнами, и скрылась за дверью туалета.

У-уф! Получилось!

В тусклом зеркале, висевшем над умывальником, Юлька встретила взглядом со своим испуганным отражением. Она округлила и без того большие карие глаза, подмигнула сама себе и хитро улыбнулась, от чего на щеках образовались симпатичные ямочки.

Интересно, каким будет лицо Игоря Степановича Михеева, когда он обнаружит, что карманы его пальто полны куриных перьев? Он же такой эстет! Когда доску протирает, тряпку двумя пальчиками держит.

Ничего, сам виноват. Назвался учителем – полезай... куда-нибудь.

Игорь Степанович опять не пускал Юльку на свои уроки – уже вторую неделю. Это ее-то!? Круглую отличницу до конца седьмого класса! Принесла его нелегкая в школу! Работал же где-то раньше, там бы и оставался!

Вообще вначале все было очень даже неплохо. Географию Юлька любила. За схематичными изображениями карты она легко различала тени кондоров, парящих над Кордильерами, в предгорьях Анд видела стада доверчивых лам с грустными глазами, слышала ритмичные песни племен, танцующих на берегах озера Чад. За каждым названием скрывались герои и приключения, странные сочетания звуков завораживали: Калимантан, Рейкьявик, Сихотэ-Алинь, Хонсю, Кюсю, Сикоку... Юлька единственной из класса с первого раза сдавала зачеты по целым континентам, безошибочно называя равнины, плоскогорья и прочие элементы рельефа.

Подвела ее, как обычно, излишняя живость характера. Хотя и Игорь Степанович тоже виноват. Зачем было давать ей столько свободы? На остальных уроках она ведь себя так не ведет. Сам же смеялся поначалу. Вот Юлька и не заметила, как перегнула палку. Она всего-то хотела повеселить одноклассников...

В тот мирный солнечный день география стояла в расписании последней, а перед ней были два урока труда. На первом Юлька и одноклассницы собирали в роще за школой кленовые листья, похожие на позолоченные ладони с растопыренными пальцами, и срезали рыжие гроздья рябины, а на втором – украшали всем этим школьное фойе. Вечером ожидался Осенний бал.

Когда прозвенел звонок на географию, в руках у Юльки почему-то остался довольно большой кусок пластилина, на который она крепила листья...

Географ проверил домашнюю работу, потом велел конспектировать новый параграф. Юлька читала быстро, делать конспекты тоже особого труда для нее не составляло. Класс еще

корпел над заданием, а ей уже нечем было заняться. Вот она и начала под партой разминать пластилин.

Что бы такое слепить?

Игорь Степаныч ходил по классу и заглядывал в тетрадки, регулярно поправляя квадратные очки, съезжавшие на кончик носа.

Когда он уселся на свое место и стал что-то писать в журнале, Юлька надела сине-зеленую пластилиновую оправу на переносицу и важно оглянулась по сторонам. Класс захихикал. Учитель поднял голову, чтобы определить причину веселья. Юлька нагнулась и прикрыла глаза ладонью. Снова стало тихо. Игорь Степаныч вновь занялся журналом, Юлька с умным выражением лица обернулась назад. Последние парты радостно заржали.

– Столбова! Не вертись! – строго сделал замечание Игорь Степаныч. – Что эт-то у тебя там?!

Юлька повернулась к учителю. Михеев, увидев ее лицо с уродливыми очками, вскочил со своего места, наклонился над столом, будто его вытянули плетью вдоль спины, и срывающимся голосом крикнул:

– Убирайся! Вон отсюда!

Рука с полусогнутым пальцем, указывающим на дверь, заметно тряслась, губы, вытянувшиеся в нитку, побелели от ярости, ноздри маленького тонкого носа вздулись, как капюшон у кобры.

Юлька испуганно скомкала свои очки и, стараясь сохранить достоинство, проговорила вполголоса:

– Вот и хорошо. Домой хоть пораньше приду.

Она быстро запихнула в сумку аккуратно обернутый учебник, атлас с контурными картами, ручку с погрызенным кончиком и вышла из класса.

С этого момента и начались проблемы.

Во-первых, Игорь Степаныч в тот же день обо всем рассказал Юлькиной маме. Как будто им в учительской больше поговорить не о чем. И зачем только мама пошла в педагоги?! Никакой свободы детям. . .

Во-вторых, перед началом следующего урока Игорь Степаныч остановил Юльку в дверях класса и сказал, чтобы она перед ним при всех извинилась, а то он ее, видите ли, в класс не пустит.

– Ну и ладно. Не пускайте. Не очень-то и хотелось, – сказала Юлька, удивляясь собственной наглости, и вышла в коридор.

С тех пор она стала прогульщицей.

Поначалу было немного страшно. Так неожиданно из прилежной ученицы превратиться в изгоя. Потом стало весело. В глазах одноклассников Юлькина дерзость пока что выглядела геройством. Географию она и без учителя неплохо дома изучала – читала один параграф за другим.

Благодаря репутации отличницы, к Юльке не возникало вопросов ни у учителей, случайно встречавших ее в коридоре во время урока, ни у техничек. Мало ли зачем она могла выйти? За мелом, например, или в туалет. И все географии, вместившиеся в последние две недели, она спокойно проболталась по школьным закоулкам.

Юлька задумчиво брела по коридору и размахивала свежeweмытыми руками. Вдруг перед ней, как из-под земли, выросла завучиха, Ольга Ивановна, носившая с незапамятных времен прозвище Оля-груди. Юльке пришлось вильнуть в сторону, чтоб избежать столкновения с ее могучим бюстом.

– Юля, ты почему не на уроке?

Можно было, конечно, и соврать что-нибудь, но – смысл?

– Меня Игорь Степанович выгнал.

– Почему? – Ольга Ивановна искренне удивилась.

– Плохо себя вела, – с улыбкой сказала Юлька.

– Ну-ка, пойдём! – женщина решительно взяла юлькину руку в свою пухлую ладонь и повела за собой.

Игорь Степаныч сопротивляться завучу не стал. Юлька спокойно уселась на свое место и стала искать в атласе полезные ископаемые возле Уральских гор.

Когда урок закончился, географ велел ей задержаться.

Он дождался, пока все ребята выйдут из класса, закрыл дверь, засунул руки в карманы брюк и встал перед Юлькиной партой. Она отклонилась на стуле назад.

Две недели назад Михеев был для нее просто учителем: он рассказывал – она слушала, он задавал – она выполняла. Правила игры были просты и понятны. И вдруг эти заученные роли потеряли всякий смысл. Перед Юлькой стоял невысокий мужчина в очках, клетчатой рубашке и брюках, туго затянутых ремнем. Почему-то ей невыносимо смешными показались его черные усики под острым носом.

– Ну? Что скажешь? – поинтересовался Михеев.

– А что вас конкретно интересует? – уточнила Юлька, качаясь на стуле.

– Не наглей! Ты прекрасно знаешь, что меня интересует! – зловеще произнес Игорь Степаныч.

– Очки?

– Ты издеваешься надо мной?!

– Нет, я не издевалась. Мне просто хотелось быть похожей на вас. Вы такой красивый.

Географ резко грохнул кулаком по парте. Юлька вскочила, уронив стул.

– Вот дикий! – пробормотала она себе под нос.

Михеев отбежал к окну, сжимая кулаки.

Юлька забрала сумку и вышла из класса.

Возле раздевалки ее ждала подружка Маринка, с которой они жили на одном конце поселка и всегда вместе ходили в школу и обратно.

– Ну как? Сильно тебе попало? – участливо спросила она.

Юлька с усмешкой махнула рукой:

– Псих-одиночка.

Девчонки вышли на крыльцо. Для конца сентября день был на редкость теплым. На фоне ярко-синего высокого неба особенно красивыми казались желтые леса, спускавшиеся с окрестных пригорков к Раздолью. Юлька глубоко вдохнула по-осеннему сладковатый воздух и медленно-медленно выдохнула.

Дома младшая Юлькина сестра Аня, темноволосая черноглазая пампушка, играла со своим личным котом Харговендом. Правая половинка его мордочки была белой, а левая – черной. Анька нашла котенка в начале лета в придорожной канаве и нарекла в честь главного злодея из индийского фильма «Враг». Кот был несколько не злой, до полного бешенства его обычно доводила хозяйка.

Больше всего Харговенд не любил Анькину ладошку с растопыренными пальцами, занесенную над его головой. Он сразу прижимал уши, вздыбливал шерсть и истошно орал на весь дом. Потом начинал быстро-быстро топтаться на месте и, наконец, отчаянно кидался на Аньку, оставляя ей глубокие царапины. Она добросовестно мазала их йодом и вскоре снова принималась за свое.

– И тут дурдом, – пробурчала Юлька, закрывая за собой дверь на защелку.

Наконец-то одна...

Юлька сняла школьную форму, проводила взглядом медленно проехавший за окном рейсовый автобус из райцентра, полюбовалась Ореховой горой, которая сейчас походила на огромный корабль с золотыми парусами, плывущий по ясному небу над темными, заросшими ельником оврагами. Обернувшись, она увидела свой силуэт в темной лакированной дверце шифоньера. Медленно повернулась боком. На фоне окна четко прорисовывались все очертания тела. Кажется, грудь немного подросла...

Теперь за уроки. Боже! Как много задано! История, химия, математика, русский. Еще и стих по литературе учить. «Мцыри». Отрывок на выбор. Юлька открыла учебник:

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.

– «Для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы?» – несколько раз задумчиво произнесла Юля.

Для воли, конечно! Какие могут быть сомнения!?

Глава 2

Восьмой класс стоял шеренгой в залитом солнцем холле. Начинался урок физкультуры. Первый в этом учебном году – несмотря на то, что осенняя четверть уже заканчивалась. Учителя не было. И вот вдруг приехал. Только что из армии.

Сергей Сергеич Петраков.

Он стоял перед классом с журналом в руках и вел переключку, время от времени резким движением головы закидывая набок длинную челку. Его крепкую фигуру обтягивал сиреневый спортивный костюм. Свежим запахом его одеколона, казалось, пропиталась за это утро вся школа.

– Ракитин! – по-армейски выкрикнул очередную фамилию Сергей Сергеич.

– Я, – лениво ответил белобрысый шуплый паренек.

– Что за «я-аа»? – передразнил его физрук, – Давай по-мужски! Руки по швам! «Я!»

Андрей Ракитин вытянулся и громко крикнул:

– Я!

– Вот другое дело! Рыкова Людмила? Где ты?

– Это я, – кокетливо улыбнулась смазливая Людка.

Следующей по списку шла Юлия Столбова, но физрук не успел ее назвать, потому что в коридоре, громко стуча каблуками, появилась директриса. За ее плечом маячил географ.

– Извините, Сергей Сергеич, что прерываем урок, но дело неотложное, – Любовь Борисовна, стройная, коротко стриженная, всегда хорошо выглядящая женщина лет сорока пяти, провела строгим взглядом по лицам учеников, выдержала многозначительную паузу.

– Ребята! Все вы ознакомлены с правилами поведения в школе. И знаете, что их необходимо выполнять. Знаете?

– Знаем, – уныло ответил восьмой класс.

– И тем не менее далеко не все считают нужным их соблюдать! Так ведь, Булыгин? Встань прямо!

Долговязый второгодник Булыгин недовольно пробурчал:

– Чё я-то опять?

Любовь Борисовна продолжала:

– Я еще могу понять, когда безобразия происходят случайно. Когда вы бегали, толкались, и разбилось окно или дверь с петель слетела. Но вчера произошел вопиющий случай. Оскорбление учителя! – директриса говорила все громче и громче. – Во время уроков кто-то проник в учительскую раздевалку... Ведь это надо было додуматься! Надо было не полениться из дома притащить! Подумать только! Набить карманы пальто педагога какой-то гадостью! Где ваша совесть?!

Ученики восьмого класса и новый учитель физкультуры с интересом смотрели на директрису. Всем хотелось узнать, чем же набили карманы пальто Игоря Степаныча.

– Я хочу здесь и сейчас услышать, кто из вас принес вчера в школу перья и заходил в учительскую раздевалку, – зловещий тон Любови Борисовны не сулил ничего доброго в случае, если ее любопытство не будет удовлетворено.

– Ничё я не приносил. Делать мне больше нечего, как перья таскать, – процедил сквозь зубы Булыгин.

– А о каких перьях вообще идет речь? – едва сдерживая улыбку, поинтересовался Сергей Сергеич. Юлька с симпатией взглянула на него.

– О куриных, вероятно, – холодно ответила Любовь Борисовна.

– А какого цвета были куры? – не удержалась Юлька, – Черные или белые?

Ей очень хотелось смеяться.

– Столбова, не паясничай! – строго сказала директриса.

Игорь Степаныч смотрел в пол. Восьмой класс безмолвствовал.

– Я жду ответа. Кто это был? – продолжала допрашивать Любовь Борисовна.

– А почему вы наш класс подозреваете? – неожиданно подал голос Андрей Ракитин, – Может, это не наши сделали?

– Ваши! Ваши! – с нажимом произнес Игорь Степанович, оторвав взгляд от пола. – Только вот хватит ли смелости признаться? – географ выразительно посмотрел на Юльку.

Она широко улыбнулась, глядя ему прямо в лицо. Нет уж! Это слишком просто и по-детски. Может, он надеется, что она раскается в содеянном и со слезами будет просить прощения? Довольно наивно с его стороны.

Из коридора гулко донесся крик завуча: «Любовь Борисовна, к телефону! РайОНО!»

Директриса сорвалась с места и напоследок пригрозила восьмиклассникам:

– Мы этот разговор еще продолжим!

Игорь Степанович тоже ушел.

Сергей Сергеич снова открыл журнал и продолжил знакомство:

– Столбова Юлия. Ну, тебя я запомнил. Ты правда не знаешь, какого цвета были куры?

– Откуда?! – недоуменно воскликнула Юлька, – У нас дома вообще только гуси остались. Бабушка всем курам бошки поотрубала.

* * *

«Однако славно он улыбается», – думала о физруке Юлька, сидя за широкой спиной отца на заднем сиденье старенького мотоцикла «Урал». Они каждый вечер ездили за травой для коровы. Осень была теплая. Отава на покосах выросла мощная.

Мотоцикл потряхивало на полевой дороге. Солнце уже спустилось за деревья, ярко-красные лучи пронизывали пустой лес, и длинные тени от старых лип лежали на поле.

Пока отец размашисто косил, Юлька бродила вдоль лесной опушки и собирала в карман куртки шиповник. Несколько кисловатых ягод лежало у нее за щекой. Густо настоянный на опавшей листве и поздних опятах воздух был холодным и чистым. Из леса тянуло сыростью.

Отец негромко окликнул дочь:

– Юлька, смотри, журавли летят.

Грустные мелодичные звуки разливались в пустом небе. Юлька следила глазами за длинным журавлиным клином, пока он не растаял в сумеречной дымке у горизонта. Какая-то неясная тоска вдруг тонко зазвенела внутри нее.

«Раздобыть бы журавлиное перышко. Никому бы его не отдала. Никогда».

Вернулись они почти затемно. Войдя во двор, Юлька поняла, что у них дома гости. Она привстала на выступающую кромку фундамента и заглянула в незашторенное окно большой комнаты. На диване сидели дядя Саша, папин брат, его жена Светлана и трое их детей: Витька, Толька и годовалая Иришка. Сыновья-погодки удались в отца – кареглазые, чернявые, а дочка как две капли воды походила на мать – такая же курносенькая и белокурая.

Перед ними Анька и Харговенд показывали номера художественной самодеятельности. Хозяйка повязала коту на голову красный платочек и надела куклину юбку с оборками. Харговенд стал походить на маленькую домохозяйку. Ему, видимо, было неловко от собственной красоты, и он очень хотел избавиться от нарядов, но Анька крепко держала кота за передние лапы и танцевала с ним по всей комнате. Мальчишки сползли с дивана от смеха, а Иришка прыгала от восторга и визжала.

Мама и бабушка накрывали на стол.

Братья Столбовы жили в соседних домах и часто навещались друг к другу. Особенно в последнее время. Тема для разговора была одна и та же: выход из колхоза и создание своего фермерского хозяйства. Недавно им выделили земли за Ореховой горой и старый, едва шевелящийся трактор «Казахстан».

Юлька не все понимала, конечно, о чем говорили папа с дядей, но их вдохновение и мечты были заразительны.

– Шурка, ты понимаешь, что это – свобода! – воодушевленно говорил отец, – Мы не зависим больше ни от кого! Никто нам указывать не будет!

– Поля за Ореховой засеем, – строил планы Александр, – а те, которые ближе к Батиной кочёвке, под покосы пустим.

– Фазенду поставим на Средней гриве, у пруда, – отец начертил вилкой на столе примерное расположение построек.

– Двухэтажную только! – вставила Юлька, – Я, чур, наверху буду жить!

Перед ней ясно разворачивались чудные картины фермерской жизни: вот бескрайние поля колыхнутся тяжелыми колосьями пшеницы, вот над малиновыми головками клевера гудят шмели и пчелы, вот они с Анькой идут по лесной дороге на Среднюю гриву – длинную солнечную поляну, растянувшуюся на взгорье между двух заросших черемухами ручьев, а в конце этой поляны стоит «фазенда» на высоких столбах с решетчатой верандой на втором этаже, а там гамаки привязаны. А у Юльки с собой книжка – «Джейн Эйр», например – она залезает с ней в гамак, читает и смотрит, как вдалеке за лесом опускается солнце, слышит, как с лугов возвращаются на ферму их коровы, а за стадом идут по-былинному могучие отец и дядя. И, кстати, еще неплохо бы чего-нибудь вкусного с собой в гамак взять...

– Свиной выгоднее разводить, чем коров, – неожиданно мама поменяла Юлькину картину, – и суеты с ними меньше. Знай, корми. А то с молоком столько хлопот будет!

– Да, я тоже за свиной, – поддержала ее Светлана Столбова, – осенью можно будет всех поросят прирезать и сдать, а свиноматок к себе в конюшни забрать. И зимой вообще туда не ездить. А весной обратно – на выгул.

На том и остановились – быть на Средней гриве свиноферме.

– Как хозяйство-то назовёте? – спросила молчавшая до того Юлькина бабушка Катя.

– Столбовы и Ко, – выдвинул версию Александр.

– Свины и Ко, – решительно подкорректировала Анька.

Глава 3

Подходила к концу первая четверть. Начались контрольные.

Юлька уже добрых полчаса болталась по школе, ожидая Маринку. Подружка получила двойку за четвертную по математике и делала работу над ошибками.

Юлька постояла на лестничной клетке у окна, из которого был виден школьный стадион. Там Сергей Сергеевич безжалостно гонял пятиклассников. Юлька вдруг поймала себя на том, что любит его крепкой фигурой, отчего-то смутилась и поспешно спряталась за выступом стены.

Потом спустилась на первый этаж в блок начальных классов. Дверь в кабинет ее первой учительницы Натальи Петровны была приоткрыта. Юлька заглянула в щель. Учительница проверяла тетрадки, время от времени посмеиваясь и укоризненно покачивая головой, отчего ее волнистые каштановые волосы красиво перекашивались по плечам.

– Здравствуйте, Наталья Петровна! – Юлька шагнула в класс.

Учительница приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте, Юлия Павловна! Чего домой не идете?

– Маринку жду, она контрольную перекатывает.

– Ясно. А тебе заняться, значит, нечем? Садись-ка, помоги мне диктанты проверить.

Смотри вон, что твоя сестра написала.

Юлька с трудом прочитала: «Второй вореант». Ну, Анька! Хотя в самом диктанте ошибок больше не было.

Наталья Петровна выдвинула ящичек стола, достала конфету «Кара-кум» и дала ее Юльке, потом осторожно спросила:

– Как там у тебя с географией? Что не поделила с Игорем Степанычем?

– Ничего я с ним не делила. Надоел просто, – Юлька как можно беспечнее махнула рукой.

– Ну, мало ли кому кто надоел, учиться все равно надо. Мне тоже некоторые ученики очень надоели. А куда их девать? Воюю да учу!

Вот бы все учителя были такими надежными! Наталья Петровна своих не сдавала – сама всегда разбиралась. Как-то на перемене Юлькины одноклассники вывесили Мишку Кудрина за ноги из окна в кабинете биологии. Ему хотелось посмотреть, что там на первом этаже в классе у Натальи Петровны делается. Она очень испугалась, увидев в окне довольную Мишкину физиономию. Парни его, конечно, не удержали, и он бухнулся в большой сугроб снега. Наталья Петровна чуть в обморок не упала. Но ни директор, ни завуч не узнали об этом происшествии. Парни получили от первой учительницы все, что им причиталось...

Юлька помогла проверить тетради четвероклашек и, боясь пропустить Маринкино освобождение, поднялась на второй этаж. Но мучения подружки еще не закончились.

«Да что ж их там так долго держат!?» Юлька устало села на скамейку. В фойе сидели ребята из седьмого класса, тоже чего-то ждали. Парни играли в «сифу» – бегали и кидали друг в друга туго скрученную тряпку от доски. Попадая, она оставляла на одежде меловые пятна. С ними же носился Андрюшка Ракитин.

Юлька поставила на колени сумку с учебниками и опустила на нее голову. Больше всего на свете она не любила процесс ожидания. Родители обычно старались до последнего момента не сообщать ей о предстоящих событиях, чтобы она сама не изнывала в остающиеся дни и не изматывала других членов семьи. Юлька просто ненавидела очереди, в которых ей частенько приходилось стоять в сельском магазине. Она чувствовала себя в такие минуты мухой, приклеившейся одной ногой к длинной липучке. Сколько ни бейся, все равно не вырвешься. Не уйдешь же домой без хлеба.

Ракитин на бешеной скорости пробежал мимо Юльки. У нее от ветра даже челка взметнулась. За ним пронесся рыжий семиклассник Славка Богатырев. Андрюшка описал широкий круг по фойе и снова приблизился к Юльке. Пролетая мимо, он вдруг дернул ручку ее красивой красной сумки. Сумка вырвалась из юлькиных рук и, сделав пару оборотов в воздухе, развалилась на части. По полу широко разлетелись учебники, тетрадки, клубки ниток, зеркальце, недоеденная столовская булка, завернутая в тетрадный листок, «Барбариски»... В руках Ракитина осталась длинная ляжка. «Ни себе чего», – растерянно пробормотал он, густо залившись краской, бросил ляжку на подоконник и умчался вниз по лестнице.

Фойе взорвалось диким хохотом.

Юлька ползала по полу, трясясь от смеха, который постепенно начинал походить на рыдания, собирала свои пожитки и чувствовала, как ненависть к Ракитину подступает к ее сердцу.

Наконец из класса вышла худенькая Маринка.

– Ты реवेशь или смеешься? – спросила она, вглядываясь в лицо подруги доверчивыми голубыми глазами.

– Черт его знает, – давась смехом и слезами, с трудом проговорила Юлька, – вот придурок-то!

– Кто?

– Ракитин! Убью гада завтра. У тебя есть место в сумке?

На улице было холодно и грязно. Осень не хотела уступать зиме Раздолье: из низкого серого неба на поселок попеременно сыпал то дождь, то снег.

– Блин, с чем я теперь буду в школу ходить? Такая красивая сумка была, – Юлька нешуточно злилась на Ракитина.

– Может, ты ему нравишься? – предположила Маринка.

– Да нет, я думаю, что он просто дурак, – резко ответила Юлька.

– Ой, мне же хлеба надо купить, – спохватилась Маринка, когда они уже почти прошли мимо магазина.

–Иди, покупай, я тут подожду, – хмуро сказала Юлька и свернула с дороги к клумбе с доцветающими астрами, кое-где уже побуревшими от холода.

Из магазина вдруг выпорхнула улыбающаяся тетя Зоя Ракитина:

– О, Юлечка, здравствуй! – слегка нараспев протянула она, – Когда уже моего Андрюшку в кавалеры возьмешь?

Юлька, особо не размышляя, растряхнула перед ней лоскутья своей сумки.

– Вот что ваш Андрей мне сегодня сделал.

С лица Андрюшкиной мамы сползла улыбка.

Юлька тут же почувствовала, как в груди скользким холодным комком сворачивается что-то мерзкое.

Ночью Юлька долго не могла уснуть. По комнатам волнами разносился мерный храп папы. В ногах у нее развалился Харговенд, придавив собой одеяло. Юльке уже давно было неудобно, и хотелось лечь по-другому, но сваливать на пол кота было жалко. И так достаточно гадостей сегодня сделала...

Все знали, что отчим бьет Андрюшку за провинности. И сегодня ему явно попало. А он ведь не хотел, чтобы так получилось. Зачем? Ну, зачем она нажаловалась его матери?! Детский сад! стыдно-то как!

С Ракитина Юлькины мысли плавно переместились на Игоря Степаныча. Пустит или не пустит он ее завтра к себе на урок? За все пропуски он, оказывается, ставил ей в журнал двойки. И теперь над Юлькой висела реальная угроза выйти неуспевающей за четверть.

Мысли носились по кругу. За окном ветер раскачивал фонарь на столбе и трепал старую рябину. По стене над кроватью беспорядочно плясали тени. Юлька вдруг начала мерзнуть. Холод как-то странно расплзался изнутри, будто бы от сердца, к ногам и рукам. Юлька начала дрожать. Мелко постукивали зубы, тряслись пальцы, похолодели ноги, все тело покрылось гусиной кожей. Ничего подобного с ней раньше не случилось. Она старалась успокоить себя, задерживала дыхание и сжимала кулаки, но крупная дрожь продолжала сотрясать ее тело. Юлька встала с кровати и, придерживаясь за стену, побрела в темноте на кухню. Харговенд, ненасытная скотинка, побежал за ней.

Юлька нащупала на плите остывший чайник, ослабшей рукой потянула его к себе, чтобы попить из носика, но из темноты с ужасающей скоростью ей навстречу вдруг понеслись желто-зеленые круги, ледяная волна накрыла ее с головой. Юлька потеряла сознание. Чайник с грохотом покатился по полу. Мокрый Харговенд пулей вылетел с кухни.

Глава 4

Утром Юлька с трудом разлепила глаза, почувствовав на своем лбу теплую мамину ладонь.

– Господи, как ты нас ночью напугала! У тебя болит что-нибудь?

Юлька отрицательно помотала головой, отметив темные тени под мамиными глазами. Не спала, видимо, из-за нее.

– Месячные, может, должны начаться? – продолжала допытываться мама.

– Нет! – Юлька терпеть не могла таких интимных вопросов.

– Дома тебя сегодня оставить?

– Нет, в школу пойду, – Юлька нехотя откинула толстое одеяло, – У меня последние три дня остались на исправление двоек по географии.

На кухне за столом вся семья ела рисовую кашу. Бабушка поставила перед внучкой тарелку.

– Как ты себя чувствуешь? Может быть, дома сегодня останешься? Смеряй-ка температуру, – баба Катя, не дожидаясь ответов на вопросы, подняла Юлькину руку и вложила ей под мышку холодный градусник.

– Нет. Пойду в школу! – упрямо повторила Юлька, ковыряя ложкой в тарелке, и вполголоса добавила: – А то Гоше слишком скучно без меня будет.

– Может, хватит уже свой характер показывать? – сразу вскипела мама. – Мне уже надоело выслушивать бесконечные жалобы на тебя. Почему ты не отвечаешь Игорю Степанычу на уроках? Учишь ведь!

Мама с недавних пор взяла на особый контроль Юлькину подготовку домашних заданий по географии.

– Он недостоин моих ответов, – сказала Юлька.

Отец аж кашей от смеха подавился.

– Гоша, конечно, старый прохвост, – сказал он, прокашлявшись, – когда он в колхозе парторгом работал...

– Ну, давай еще масла в огонь подливай! – оборвала его воспоминания мама.

Юлька достала градусник.

– Нет у меня температуры.

И вышла из-за стола, оставив кашу почти нетронутой.

География была первым уроком. Юлька вошла в кабинет, Ракитин, мельком взглянув на нее, отвернулся к окну.

– Кто дежурный? – спросил вечно жизнерадостный Мишка Кудрин, – Гоша сказал карту России повесить.

– Я вчера дежурила, – сказала Людка Рыкова, – сегодня Столбова.

Юлька развернула большую, потрепанную на сгибах, физическую карту России.

– Маринка, помоги, пожалуйста, – попросила она подругу, – берись с той стороны.

Уже звенел звонок, в коридоре слышался голос Игоря Степаныча. Девчонки быстро прикрепили карту и сели на места. Учитель вошел в класс. Все встали. Вдруг Маринка негромко ойкнула. Юлька проследила за ее испуганным взглядом и увидела, что карта висит вверх ногами...

– Садитесь!

Гоша раздал тесты. Юлька решила выполнить их правильно. Помогла сидевшей рядом Маринке. Показала на пальцах номера правильных ответов Мишке Кудрину.

Игорь Степаныч собрал тесты и начал степенно излагать новый материал. Тема «Главные речные системы России». Ученики записали в тетрадях. Учитель взял в руки указку.

– Одна из самых крупных рек России – это Волга. Вот она.

Михеев ткнул примерно в то место на карте, где должна была быть Волга.

– Ее протяженность составляет... – Игорь Степаныч поглядел на карту поверх очков, отступил на шаг назад и целиком осмотрел перевернутую вверх тормашками Россию.

– Кто это сделал? – глухо спросил учитель.

– Столбова, – ответил Ракитин.

Игорь Степаныч, не глядя на Юльку, показал пальцем на дверь.

Юлька жалостливо протянула: «Я нечаянно».

– Выйди!

Она тяжело вздохнула, собрала с парты вещи и вышла.

В коридоре было полутемно и пусто. Юлька почувствовала, как слабость вновь охватывает ее и начинает кружиться голова. Она доплелась до банкетки и легла, подложив под затылок пакет с учебниками. Банкетку покачивало, как утлую лодочку. Узелок бы еще в руки и звездное небо над головой – была бы ежиком, плывущим вниз по туманной реке...

Только бы никто не пришел и не увидел ее в таком жалком состоянии!

Из классов доносились голоса учителей. В русском нравоучительным тоном вещала Галина Еремеевна. В биологии Светлана Генриховна, Юлькина классная руководительница, распекала кого-то из учеников. В математике было тихо. Контрольную, что ли, мама проводит? В географии... реки России изучают.

Как же все надоело! Умереть бы прямо тут на лавке в коридоре. Интересно, Гошу посадят или нет? Юльке живо представилось, какая суматоха возникнет, когда на перемене обнаружат ее бездыханное тело.

– Юль, ты чего тут?

Юлька от неожиданности вздрогнула. Перед ней стоял физрук. Вот что значат импортные кроссовки. Можно передвигаться совершенно бесшумно.

– Выгнали... – со вздохом ответила Юлька и села. Физрук пристроился рядом. – А у вас что, урока нет?

– Да, начальную школу на медосмотр забрали. Не могли вчера сказать. Я б поспал подольше, – Петраков сладко зевнул и потянулся, попутно потрепав ладонью Юлькины волосы.

Она слегка смутилась, но даже не попыталась отодвинуться.

– Игорь Степаныч выгнал? Что у вас с ним за война? – любопытствовал Сережа.

– Я просто один раз слепила очки на уроке. Он и психанул. На географию перестал пускать. Извиняться заставил.

Физрук с интересом слушал сбивчивый Юлькин рассказ.

– Я бы, может, и извинилась тогда, если бы он все маме не слил. Директору еще пожаловался. – Юлька вдруг ясно поняла, что она сильнее Игоря Степаныча. Он боится ее и потому ищет помощи у других. У женщин! Позор!

Сережа с улыбкой смотрел на взъерошенную, раскрасневшуюся Юльку. Она походила на молодого бойцового петушка. Он молча пожал ей руку и ушел. Юлька растерянно поднесла ладонь к лицу. Классный у него одеколон. То ли хвоя, то ли полынь...

Вскоре прозвенел звонок.

Глава 5

Наступили осенние каникулы. Впервые за всю жизнь у Юльки вышла «двойка» в четверти. Если честно, это мало волновало ее. Она-то ведь знала, что это не за знания, а совсем по другим причинам. На уроки к Игорю Степанычу она уже больше и не порывалась зайти. Шансов что-либо исправить не было. Ну и черт с ним. И без него можно географию выучить. По учебнику. Не дура ведь. Еще бы других эти оценки не волновали, было бы вообще хорошо. А то классная завела: «Вы совсем уже скатились. Делать ничего не хотите. Одна отличница была, и та двоечницей стала». Как будто не знает, что это Гоша виноват во всем. Мама тоже зря переживала. Она, судя по всему, не знала, кому мозги вправлять – дочери или коллеге. Дочери, конечно, легче.

На каникулы приехал Юлькин старший брат Костя. Он учился в райцентре на автомеханика. Косте летом родители купили мопед, и все свободное время он проводил с ним. Разберет – соберет, измарает – помоем.

Юлька с утра вертелась возле брата на улице.

– Давай прокатимся, а? – упрасивала она Костю.

– Тормоза слабые, подтянуть надо, – отвечал ей брат, деловито перебирая в коробке гаечные ключи.

– Ну, подтяни и прокати. Ну, пожалуйста, – канючила Юлька.

На крыльцо вышел отец:

– Идите, одевайтесь потеплее, сейчас поедем на наши поля. Там, где покосы будут, надо окраины почистить от кустов.

– Ура!!! – обрадовалась Юлька и помчалась одеваться.

На папином мотоцикле разместились мама с Анькой, а Юльке брат позволил-таки усесться позади него на чистенький мопед.

Они выехали за ворота и покатали по шоссе. Потом свернули на полевую дорогу, которая была уже прихвачена первыми морозами. На задубевших кочках мопед подбрасывало. Юльке было весело.

Поле закончилось, дорога спустилась в ложбину. Мотоцикл и мопед друг за другом промчались по ручью с галечным дном, взметывая задними колесами целые фонтаны брызг. Дальше дорога шла на Ореховую гору. Подъем был довольно крутой, папин «Урал» легко с ним справился, а вот Косте на середине пришлось остановиться. Мопеду было не под силу вывезти двоих человек. Юлька слезла и пошла пешком, брат повел мопед рядом.

– Есть нынче орехи? – спросил у сестры Костя.

– Были. Мы с папой собирали. Вон там, повыше.

Юлька с Костей поднялись на самую вершину холма, сплошь заросшего липами, кленами, орешником и шиповником. Брат бережно поставил мопед под кустом лещины и стал нагибать ветки. Листья уже почти полностью облетели, подсохшие розетки орехов были хорошо видны, но от малейшего прикосновения они срывались в жухлую листву. Юлька собирала их себе в карманы. Костя разгрыз пару орехов и плюнул. Ядрышки совершенно не выковыривались.

– Сушить надо на печке, – сказал брат и тоже начал набивать карманы.

С Ореховой горы открывался чудный вид на поселок. Под неярким ноябрьским солнцем Раздолье казалось особенно уютным и маленьким. Вдоль извивающейся дороги стояли крошечные домики, великанами среди них выглядели старые тополя с растопыренными сучьями. Четыре пруда по разным сторонам села поблескивали свежим льдом. Сплошные крыши колхозных гаражей, школа, сельский клуб – все отсюда казалось очень милым и родным. Во многих домах топились печи, дым тонкими струйками уходил в небо.

– Ладно, поехали, а то папа ругаться будет, – закончила созерцание Юлька.

* * *

Часть полей брата Столбовы успели вспахать до заморозков. Юльку с Костей основательно протрясло на дороге, пересекающей пашню. На покосе мама вручила Юльке секатор, папа дал Косте топорик, и они все вместе стали вырезать ивняк, растущий по окраинам луга. Анька во все горло распевала частушки, не особенно нравившиеся родителям:

Во саду ли в огороде
Бегала милиция,
Поднимайте девки юбки –
Будет репетиция.

Трактор пашет, трактор пашет,
А труба резинова.
Папка с девками гуляет,
Мамка рот разинула.

Закончилась работа застольем. Стола, правда, не было. Мама прямо на траве клеенку расстелила. Юлька с удовольствием пила чай из старого термоса, ела хлеб с мясным рулетом. Отец, с дымящейся кружкой в руках, стоял, прислонившись к мотоциклу. Широким жестом он показал на окрестные поля:

– Представляете, ребяташки, это всё наше! Эта земля теперь будет нас поить и кормить!

Дети, следуя глазами за движением его руки, оглядели пустые поля, обрамленные по далекому горизонту лесами.

– Ох, Паша, не надорваться бы вам на этой земле... – с сомнением произнесла Татьяна Столбова.

Юлька задело за живое неверие матери в такое очевидное счастье, и, чтобы не испортилось настроение у отца, она подошла к нему и стала расспрашивать, где и что будет посеяно весной. Отец показал, где будет овёс, где рожь, где ячмень, и даже гречиха.

– Свою кашу есть будешь, – сказал отец, – а пчелы гречишный мед понесут. Полезный, спасу нет!

Перед тем, как отправиться в обратный путь, мама дала Косте четкие инструкции насчет спуска с горы: строго пешком, а мопед рядом! Потому брат остановился на вершине холма.

– Слезать? – спросила Юлька с надеждой на отрицательный ответ.

– Сиди, – коротко ответил Костя.

Они начали спускаться. Мопед тут же понесло. Ни тормоз, ни Костины длинные ноги не могли сбавить скорость. Юлька ахнуть не успела, как уже сидела в ледяной воде ручья, а брат с мопедом лежали впереди на дороге. Заднее колесо крутилось, как в глупом боевике.

– Костя, ты живой? – закричала Юлька.

– Живой. Что со мной будет? – ответил брат, вылезая из-под мопеда. – Блин, ногу обжег о трубу. Никому не говорить! Понятно?

– Понятно, – сказала Юлька, выливая из сапог воду. – Холодно-то как!

– Ой, высыпалось всё, – спохватилась она, ощупывая карманы и провожая взглядом быстро уплывающие орехи. – Поехали скорей домой.

Однако сколько ни дергал Костя педаль, мопед не заводился. В низину из-под ольховых зарослей потихоньку вползали синие сумерки. У Юльки по спине забегали мурашки, зубы начали мелко постукивать. Когда они с братом вышли на открытое всем ветрам поле, мокрые

штанины сразу заledenели и стали тонко похрустывать на сгибах. На стремительно темнеющем небе прорезались первые звезды. Костя время от времени останавливался, безуспешно пытаясь оживить мопед. Юльке казалось, что у нее в теле не осталось ни одного теплого уголочка, и от этого ощущалась полная гармония с холодным ноябрьским миром. К дому она подошла абсолютно заочневшей.

Косте здорово попало от родителей за спуск с горы, а сестра даже ничего не смогла сказать в его защиту – губы совсем не шевелились. Испуганная мама стянула с нее сырую, а точнее, ледяную одежду, натерла эвкалиптовой мазью и укрыла старым верблюжьим пледом. Бабушка заварила сушеной малины, намешала в стакане с медом. Юлька вытянула с полки толстую книгу и начала читать, прихлебывая темный напиток.

Пришла Анька и заглянула на обложку:

– Опять свою Джейн Эйр! Ты ее уже раз десять читала. Поиграй лучше со мной в магазин.

– Ответ отрицательный, – невозмутимо сказала Юлька.

– Я тогда песни петь буду, – заявила Анька.

– Получишь!

– А тебя наругают, если ты меня обидишь...

– Отвяжись лучше!

Анька встала в артистическую позу и, имитируя игру на гитаре, запела дурным голосом: «Синьорита, я влюблен, о-о-о-о-о. Увезу вас в дальний край, о-о-о-о-о-о. Джена Эйра, о-о-о-о-о».

Юлька вскочила с дивана, Анька помчалась на кухню к бабушке.

– Бабушка! Дай ей какое-нибудь занятие, чтобы она меня не доставала! – горячо попросила старшая внучка.

Бабушка положила перед Анькой чистый лист бумаги и насыпала на него пшенной крупы.

– Помоги мне, Анечка.

Анька недовольно начала перебирать пшено. Юлька незаметно для бабушки показала сестре язык и ушла читать.

Джейн Эйр.

* * *

Юлька перевернула последнюю страницу книги далеко за полночь. Весь дом уже спал. Она выключила маленькое бра, уютно завернулась в одеяло и почти мгновенно провалилась в сон.

И вот она уже стоит в своей белой ночнушке, с вышитыми вокруг горловины фиалками, на какой-то тропке среди скал. Огромные звезды светят ей прямо в глаза. Юлька прикрывается рукой от их яркости.

Или это не она, а Джейн Эйр?

Куда ей идти? Где ее дом?

Вдалеке слышится ласковый голос Сергея Сергеевича: «Джен! Джен!».

Юлька, спотыкаясь, бежит по каменистой тропе на его зов. Но, оказывается, она здесь не одна! Кто-то преследует ее, тяжело дыша над самым ухом. Юлька бежит слишком медленно, ватные ноги совсем не слушаются. Чьи-то руки властно обхватывают ее сзади: одна рука ложится на грудки, обтянутые тонкой тканью ночнушки, другая – на живот. Юлька замирает от сладкого ужаса. Мужчина прижимает ее к своему телу, жадно целует шею и тянется к губам. Юлька открывает глаза и видит лицо... географа. Отталкивает его, кричит, но не слышит своего голоса, отчаянно вырывается из его рук, скидывает на пол одеяло вместе с Харговендом и, наконец, выныривает из тяжелого сна. Сердце бешено колотится.

Глава 6

Юлька проснулась поздно. Солнце уже насквозь просвечивало лимонно-желтые шторы с яркими полосами маков и васильков. Она сонно улыбнулась и с удовольствием потянулась всем телом. С кухни сладко пахло выпечкой. Как же здорово, что иногда случаются каникулы!

Вдруг перед глазами всплыл ночной кошмар, яркость утра сразу поблекла.

Географ прижимал ее к себе.

Что к чему?!?! Как такое вообще могло прийти ей в голову?! Даже во сне. Фу!

Лучше бы Сергей Сергеич...

О боже! Какие дурацкие мысли!

Вставать! Одеваться! Гулять!

На улице раздавались веселые крики ребятишек. Хлопнула входная дверь. Громогласная Анька попросила у бабушки чего-нибудь вкусенького, заглянула в комнату сестры:

– Эй, сонная тетеря, пойдешь с нами в поход? Мы – за речку. Знаешь, какой лед уже крепкий! И Костя с нами, кстати!

– Идите, – Юлька лениво махнула рукой, выпроваживая сестру из комнаты, – Я, может быть, потом приду. А, может быть, и нет.

– Ну и ладно. Лежи, толстей дальше!

Анька успела захлопнуть дверь до того, как в нее прилетела подушка.

Бабушка расстаралась для внуков: напекла картофельных шанежек, с красиво зашипанными краями, сделала в печи большую миску топленого молока. Юлька очень любила все это.

Баба Катя села напротив внучки за стол, сняла платок, в котором ходила по кухне все утро, пока готовила. Бабушка когда-то была модницей, даже волоски на ногах выжигала свечкой. На старых фото у нее всегда была идеально уложена прическа, а на платьях, обхватывающих тонкую талию, не было ни единой лишней складки.

– Как здоровье-то твое? – спросила она у Юльки, – Горло не болит после вчерашнего купания?

– Нормально все, – бодро ответила Юлька, – Ерунда только всякая снилась.

– Еще позже спать ложись, так не то приснится, – бабушка укоризненно покачала головой.

– Книжка интересная была.

– Дочитаешь вот по ночам, глаза испортишь. Я так жалею сейчас, что вязала в потемках. Танюшка, мать твоя, уснет, я лампу прикручу и скорей за крючок. Ой, сколько перевязала: и скатерти, и шали, подзоры на простыни, занавески, – всего не перечислить. Много заказывали тогда. Жить-то надо было. Одна дочку подымала...

Юлька слышала все эти рассказы уже тысячу раз, и вообще, перед ее глазами стояли непонятные ночные картинки, поэтому она чмокнула бабушку в щеку в благодарность за вкусную еду и поспешила на улицу.

Юлька вышла на крыльцо. Солнце ослепительно било в глаза. Прямо, как ночные звезды... Она зашла в мастерскую и сняла с гвоздика большой папин бинокль. Сходить-таки за речку? Почему-то совсем не хотелось сегодня бегать с малышкой...

Снега еще почти совсем не было. Пожухлая трава, коричневые заросли таволги, сухие корзинки пиканов – все покрылось игольчатым инеем.

Юлька с опаской ступила на лед неширокой речки со странным названием Амзя. Папа говорил, что километров через двадцать ниже по течению, река становится широкой и глубо-

кой из-за множества притоков – маленьких речушек и лесных ручьев. Лед был абсолютно прозрачный. На дне медленно качались водоросли.

После речки тропинка пошла в гору.

Компания выбрала себе место на поляне, окруженной старыми ёлками.

Юлька спряталась за смолистым стволом и, ощущая себя разведчиком, достала бинокль.

На краю поляны горел костер. Ребятишки гоняли мяч. Костя косым ударом запнул его в кусты, оттуда вдруг выскочил большой рыжеватый заяц. Он в два прыжка пересек поляну и нырнул в высокие заросли папоротников.

Второклассник Витька упал на одно колено, прицелился и выстрелил ему вслед, как будто из ружья:

– Ты-дыщ!

– Попал! – крикнул Толик, – пойдёмте шкуру обдирать!

Ребятишки понеслись за зайцем.

Вскоре Юльке надоело наблюдать за этими играми, и она отправилась бродить по осеннему лесу. Сколько, оказывается, еще грибовросло с тех пор, как они тут в последний раз ходили с корзинкой. Жаль, что теперь они уже насквозь замороженные. Юлька набрела на куст бересклета, украшенный яркими коралловыми подвесками с блестящими черными семечками посередине. Сорвала две висюльки и вставила их в свои серебряные сережки.

Граница между полем и лесом заросла березами. Приземистое старое дерево стояло на пригорке над речкой. Юлька залезла на березу довольно высоко, пока ветки под ногами не начали гнуться. Устроилась поудобнее и вытащила из футляра бинокль. Навела его на свой дом.

Бабушка на крыльце встряхивала коврик. Харговенд грелся на солнце, растянувшись на перекладине чердачной лестницы.

Потом перевела взгляд на дорогу. Две фигурки, похожие на Маринку и ее маму, шли к центру поселка. За ними трусила маленькая пегая собачка.

Потом Юлька посмотрела на далекую школу и на дома позади нее. Где-то там живет Сергей Сергеич. Интересно, чем он занимается в каникулы? Спортом, наверное...

Потом Юлька повернулась в сторону леса, где ребятишки жгли костер, и увидела вдруг вместо одного столба дыма – два! Причем один из них валил прямо из огромной елки. Юлька махом слетела с березы, едва попадая ногами на ветви, и понеслась к поляне.

Вся компания скакала под елкой. Анька хотела сделать жвачку из смолы, как не раз делал папа, и подожгла ее прямо на дереве. Огонь быстро поднимался вверх. Анька хлестала по горящему стволу шерстяной сиреневой косынкой. Пацаны бестолково махали ветками. Костя кричал:

– Землей закидывать надо! – и взрывал ногами замшелую почву между еловыми корнями. Юлька прижимала пласты мха к пылающей смоле.

Испуганные мальчишки орали, запинаясь за ноги друг друга:

– Да ты куда, дебил!?

– Сам дебил!

– Копай, чухан!

– Я копаю! Это ты не копаешь!

С трудом пожара все же удалось избежать. Весь смолистый участок ёлки дети залепили землей и сырым мхом. Чумазые, они растерянно смотрели друг на друга. Горячие брызги смолы прикипели к шапкам и измазанным землей курткам. Анька держала в руках свою черную слипшуюся косынку и вытирала ей слезы.

– Ладно, не вой, – сказала ей Юлька, – надень пока капюшон. Когда подойдем к дому, я тебе вынесу другую шапку, как будто ты в ней гулять ходила, а косынку засунем куда-нибудь подальше.

– А-ага-а, – всхлипывая, произнесла Анька, и поплелась следом за сестрой. Обернувшись к мальчишкам, она показала им маленький грязный кулак и сурово сказала:

– Кто проболтается, того убью!

– Иди уже, убийца, – с усмешкой сказал младшей сестре Костя. – Пацаны, давайте сюда!

Анька с Юлькой ушли с поляны, а парни встали вокруг костра и дружно начали тушить его проверенным пионерским способом.

Глава 7

Каникулы кончились. Юлька с Маринкой в серых утренних сумерках снова шли в школу. За ночь обледеневшую дорогу припорошило снегом, девчонки то и дело поскользывались.

- Вот Ракитин-то по тебе соскучился, наверное, – поддела подружку Маринка.
- Думаю, что Гоша больше по мне истосковался, – парировала Юлька.
- Жаль, что тебе еще новую сумку не купили, – продолжала поддразнивать Маринка.
- У тебя, кстати, совсем целая. Надо Ракитину посоветовать, – отбила выпад Юлька.

Она ощущала внутри себя легкое волнение. Сегодня она увидит Сережу. Десять дней прошло с последней встречи! Жаль, что физкультура только завтра. Так долго еще ждать! Хоть бы в коридоре с ним столкнуться!

Первыми двумя уроками у них были труды. Хороший знак, что именно с них начиналась четверть! С тех пор, как труды стала вести Клавдия Алексеевна, они стали любимым Юлькиным предметом.

Клавдия Алексеевна была небольшой веселой старушкой. На уроки она приносила с собой сумку, полную вязаных салфеток и вышивок. Ей нисколько не жалко было давать их девчонкам домой, чтоб они делали свои по образу и подобию. И очень радовалась, когда ученицы приносили рукоделия своих мам и бабушек.

Клавдия Алексеевна была человеком стихийным. Она знала, конечно, что есть школьная программа, где расписано, по сколько часов надо отводить на разные занятия. Она периодически спохватывалась, что слишком увлеклась рукоделием, и проводила два-три урока по плану, с записями в тетрадях. Начинала вдруг чертить на доске таблицы продуктов и диктовать: «Первые блюда, вторые блюда». Или рисовать модели юбок. Несколько уроков занимались по плану, но потом все возвращалось на круги своя: вокруг стола, уложенного рукоделиями Клавдии Алексеевны, рассаживались девчонки с крючками или спицами в руках, и старушка начинала рассказывать занятные истории про свою жизнь. Как проказничали в детском доме. Как в войну на пермских заводах работали. Как в нее парень влюбился по прозвищу Санка-Капуста. Как она по БАМу с агитбригадой ездила. И много чего еще.

Благодаря ей, ученицы буквально влюбились в рукоделие. На переменах вязала вся женская часть школы. И Юлька в том числе.

На этом уроке Клавдия Алексеевна объявила, что в конце учебного года будет ярмарка-продажа вещей, и всем, кто хочет подзаработать, пора начинать творить. Юлька с Маринкой тут же стали обсуждать, что можно будет сделать. Позади них сидели Людка Рыкова и Наташка Белова, главные модницы восьмого класса. Они возбужденно шептались, и отнюдь не о рукоделии. Юлька невольно начала прислушиваться:

- Они сегодня уезжают? – спрашивала Людка у Наташки.
- Да! Где-то часов в одиннадцать собирались.
- Та-а-ак хочу сходить попрощаться, – с тоской в голосе протянула Людка.
- Давай прогуляем математику, скажем – в больницу ходили, – предложила Наташка.

Юльке было очень интересно узнать, с кем это так хотят попрощаться ее одноклассницы, но спрашивать было бесполезно – все равно не скажут. Они уже ходили на дискотеки, гуляли с парнями, и даже выпивали иногда. Юлька по сравнению с ними была отсталой.

На перемене Маринка рассказала, что Людка с Наташкой все каникулы веселились с заезжей бригадой строителей. Наташкина мама даже разборки там учинила вчера. Занятно... А Юлька в каникулы с биноклем по деревьям лазила...

Все перемены она бодро ходила по коридорам в надежде встретиться с Сергеем Сергеевичем. Конечно, она бы сделала вид, что шла по важному делу, и встреча – это чистая случайность. Но он почему-то не встречался. Наконец, Юлька догадалась посмотреть расписание – у Сережи вообще сегодня занятий не было...

География стояла последним уроком. Юлька топталась вместе с одноклассниками перед закрытым кабинетом и размышляла, пустит ли ее Гоша на урок. Мама в каникулы, судя по всему, беседовала с ним и велела дочери ходить на уроки и хорошо себя вести.

Игорь Степаныч первым показался в дверях учительской и, слегка наклонившись вперед, деловито зашагал к восьмиклассникам.

Юлька решила быть сегодня примерной. Ни одного лишнего звука, ни одного ненужного движения. Делала только то, что говорил учитель. Читала, писала, слушала.

Но Игорь Степаныч не очень верил в такое добропорядочное усердие. Он исподтишка наблюдал за ученицей. Старался делать это незаметно, но она чувствовала. Особенно, когда опускала взгляд в тетрадь.

Географ вел себя с ней, как с опасным животным, которое бояться и, вместе с тем, пытаются контролировать. Юльку это забавляло.

«Взять, что ли, завтра с собой игрушечный пистолет? Вскочить с ним в самую тихую минуту урока. Нацелить его на Гошу. Интересно, поднимет он руки или нет?»

Что-то подсказывало Юльке, что поднимет.

Она встретила взглядом с учителем, быстро убрала улыбку с губ и занялась рельефом Западно-сибирской равнины.

Глава 8

Сергей Сергеич с начала второй четверти открыл секцию ОФП. Общей физической подготовки. Юлька с Маринкой записались в нее. Мама с папой вообще-то отговаривали дочку: «Чего ты будешь по темноте через весь поселок таскаться!? Мало ли, собаки. Или пьяный кто пристанет». Но Юлькино решение заниматься спортом было твердым. Тем более, что она не одна будет ходить, а с подружкой.

Юлька обожала бывать в школе в неурочное время. В коридорах полутьма. Звуки гулким эхом разносятся по этажам. Романтика.

На первое занятие пришла завуч, Ольга Ивановна. Помогать профессиональному росту молодого педагога, вероятно. И Сережа провел это занятие очень серьезно, по всем правилам, какие там у них, у физруков, имеются.

Разминка. Бег по школе вкруговую. Физические нагрузки. Потом командная игра.

Из Юлькиного класса пришли почти все парни и, к немалому ее огорчению, явились обе звезды – Людка с Наташкой. Они-то явно сюда приперлись только для того, чтобы Сереже глазки строить и идиотски хихикать, когда он им помогает правильно упражнения выполнять. Впрочем, Сережу их ужимки, похоже, не очень цепляли. Наташка с Людкой сходили занятия на три и бросили, а Юлька старалась не пропускать.

То ли это было случайностью, то ли нет, но взгляд Сергея Сергеича часто задерживался на Юльке, и чаще всего именно ее он выбирал себе в пару для демонстрации новых упражнений.

* * *

Сегодня на физкультуре восьмой класс прыгал через «козла».

Юлька долго не могла побороть свой страх перед этим гимнастическим снарядом. Вроде так решительно разбежалась, но прямо перед ним останавливалась. И так весь урок. А маленькая пухленькая Ленка Кирова боялась-боялась, а потом разбежалась, заскочила на пружинную «лягушку» и прыгнула над козлом, вообще его не коснувшись, еще и ногами в воздухе поболтала. Сережа даже присвистнул.

– Похоже, новый мировой рекорд. Шесть с плюсом тебе, Лена! – сквозь смех сказал физрук.

Нашел глазами Юльку:

– Юля, бери пример!

– Сергей Сергеич! Я так смогу только с шестом! – ответила Юлька.

– Остаешься сегодня после урока. Пока не перепрыгнешь, не отпущу! – Сережа шутливо погрозил Юльке пальцем.

Людка Рыкова с Наташкой Беловой недовольно скривили лица. Зря они прыгали. Могли бы тоже остаться...

Класс ушел из спортзала. Учитель и ученица остались вдвоем.

– Юля, это очень важное упражнение. Оно развивает и плечевой пояс, и силу твоих ног. Смотри, это же просто! – Сережа разбежался, легко оттолкнулся от пружины и технично перепрыгнул через козла.

Юлька разбежалась, запрыгнула на «лягушку», покачалась на ней и слезла.

– Ну, не могу я.

– Хорошо, давай проработаем это упражнение пошагово. Медленно.

Юлька побежала к козлу, как в замедленной съемке, картинно двигая руками и едва переставляя ноги. Взобралась на пружину, потом удобно села на ненавистный снаряд, проехала по нему и аккуратно спустилась на пол.

Сергей Сергеич рассмеялся.

– Юль, ты юморист! Тебя в цирковое училище без экзаменов возьмут!

– У нас в школе смешнее, – ответила Юлька, довольная произведенным эффектом. Можно было переходить к заключительному акту комедии.

Она нерешительно вернулась к началу дистанции, озорно глянула на Сережу, разбежалась и ловко перепрыгнула через козла. Физрук удивленно поднял брови и зааплодировал.

– Молодец! Давай еще раз!

Юлька повторила акробатический этюд. Потом уже без предложения прыгнула еще.

– Ну, вот видишь, все возможно. Стоит только постараться! – довольно сказал Сергей Сергеич и похлопал Юльку по плечу. Потом вдруг притянул ее к себе и, прикасаясь губами к уху, спросил: – Долго репетировала?

* * *

Вечером следующего дня Юлька собиралась на тренировку.

– Отойди уже от зеркала, – Анька нагло отпихивала старшую сестру в сторону, – да дай ты мне посмотреться-то. У меня жвачка на нос налипла. Пузырь большой надулся.

– Господи! – Юлька воздела глаза к потолку, расчесывая длинные распущенные волосы, – Смотри быстрее.

Анька почистила лицо и отошла.

– Ты опять на тренку? – спросила она сестру, – Чего ты начесываешься, все равно ведь там разлохматишься?

– Не твое дело, – ответила Юлька, рассматривая в боковых створках трельяжа свой нос, с зачем-то унаследованной от мамы горбинкой. В последнее время он стал казаться ей просто ужасно огромным.

Зато глаза Юльке нравились. Большие, карие, задумчиво-восточные, густо опущенные темными ресницами. Она встала к зеркалу спиной, и, обернувшись, бросила томный взгляд через плечо: медленно подняла и застенчиво опустила ресницы.

И губы, вроде, ничего – припухлые, четко очерченные. Юлька немного покусала их, чтоб стали поярче... Заплела волосы и отправилась на тренировку.

Пришлось идти одной – Маринка болела.

В школе было совсем тихо. Юлька заглянула в спортзал. Прошла по коридорам – никого. Где-то смеются. В библиотеке?! Она вошла туда. На вытертом ковре перед телевизором сидели и лежали пацаны: кто в новеньких спортивных костюмах, кто в старых трениках с оттопыренными коленками. Сергей Сергеич и Мишка Кудрин развалились в креслах. Недавно в школу купили видеомagneфон и после уроков в фойе показывали «Один дома» и «Звездные войны». Но сейчас они смотрели что-то другое. Как оказалось, это был «Голый пистолет».

– Ну-ка, освободи даме место, – Сережа согнал Мишку на ковер и усадил Юльку в кресло, стоящее рядом с ним. Она слегка смутилась.

– Мы решили сегодня тренировку не проводить. У меня нога болит, – наклонившись к ученице, тихо сказал физрук, – народ был не против.

– А где девчонки? – спросила Юлька.

– Домой ушли.

Не уйти ли ей тоже? Еще можно успеть дойти до дома, пока совсем не стемнело. А с другой стороны, когда еще она вот так посидит рядом с Сергеем Сергеичем в темноте...

Сереза весело хохотал над фильмом вместе с мальчишками. На неприличных кадрах он командовал: «Закрывать глаза и отвернуться!» И, как ни странно, все подчинялись. В том числе и Юлька. Чувствовала она себя в эти моменты предураско.

Среди парней был сын директора школы, и Юлька с опаской подумывала, что он может рассказать про сегодняшнюю тренировку матери. Вот Серезе-то влетит.

Наконец фильм кончился. Физрук галантно подал Юльке руку и помог подняться.

Новые зимние ботинки отнимали много времени на шнуровку. Юлька дольше всех провозилась в раздевалке. Сергей Сергеич выключил свет в фойе, в темноте они вдвоем вышли на крыльцо. Пока Сереза закрывал двери на замок, Юлька смотрела, как из темного неба возникали большие мохнатые снежинки и неслышно опускались на ступени.

– Юль, ты не сильно расстроилась, что тренировки не было? – прервал затянувшуюся паузу учитель.

– Нет, не сильно, – ответила Юлька, борясь с внезапно сковавшим ее смущением.

Вместе они дошли до дороги.

– Пожалуй, со следующей недели начнем на лыжах кататься, – сказал физрук, – уже хороший снеговой покров.

– Ну да, – пробормотала Юлька.

– Тебе далеко до дома идти? – поинтересовался вдруг Сереза.

– Нет, не очень, – испуганно ответила девочка.

Он заглянул ей в лицо и тепло улыбнулся.

– До свидания, – глухо выдавила Юлька.

Сереза легонько пожал ее руку в мягкой варежке своей ладонью, затянутой в кожаную перчатку.

Юлька поспешно зашагала по пушистой дороге.

Сергей Сергеич пошел в другую сторону.

Глава 9

Раз в три дня Юлька поливала цветы в кабинете биологии. В начале восьмого класса она решительно отказалась от надоевшей ей должности старосты и попросила перевести ее в цветоводы. Светлана Генриховна, классная руководительница, досадливо поморщилась, но возражать не стала. Старостой назначили послушную тихоню Иринку Мотыгину.

Светлана Генриховна оставила Юльке ключ от кабинета и ушла на совещание. Цветов было очень много: аспарагусы, фуксии, традесканции, пеларгонии, фиалки... Юлька старательно полила все растения и обтерла пыль с широких листьев монстеры. Уходить не хотелось. В классе, залитом солнцем, было очень уютно. Внимание Юльки привлек деревянный ящичек, который с неделю назад повесила на стенд классная руководительница для того, чтобы ее подопечные опускали туда волнующие вопросы для рассмотрения на классных часах.

Интересно, есть там хоть одна бумажка? Юлька заглянула в щель. На дне что-то белело. Как же любопытно! Это ведь не очень секретные материалы... Все равно эти вопросы будут вслух читать. Просто Юлька узнает о них чуть-чуть пораньше...

Совещание началось недавно. Полчаса в запасе точно еще есть...

Юлька закрыла кабинет изнутри и сняла ящик со стенда. Задняя стенка из тонкой фанеры была закреплена совсем слабо. Девочка аккуратно отогнула маленькие гвоздики и вытряхнула помятые листочки на парту.

Первая записка содержала сообщение о том, что Людка – проститутка.

«Ха! Давайте-ка, рассмотрите этот вопрос на классном часе, Светлана Генриховна».

Во второй записке кто-то поинтересовался: «А снежный человек по правде бывает?»

«Похоже, Кудрин писал. Его кривенький почерк. Во, дурак!».

Третья и четвертая записка не содержали в себе вопросов – только ненормативную лексику.

В пятой записке вопрошалось, почему так мало проводится в классе вечеров?

«Да и на фиг эти вечера. Нормальной музыки у Генриховны все равно нет. Весь прошлый год на дни именинников ставила пластинку Добрынина «Бабушки-старушки». Сама пусть под них и пляшет».

На столе еще оставались две записки. В одной спрашивалось, видела ли Светлана Генриховна когда-нибудь инопланетян, а в другой – сколько стоит мопед. Больше одноклассников ничего не интересовало

Юлька достала из сумки тетрадку, вырвала листок и написала крупными печатными буквами важный вопрос для классной руководительницы: «ПОЧЕМУ ГОША – ТАКАЯ СВОЛОЧЬ?».

По печатным буквам почерк ведь не определить...

Юлька сложила все записки и повесила ящик обратно.

Подумала немного и написала для отвода глаз еще один вопрос своим честным почерком, с наклоном букв в левую сторону: «Как размножить аспарагусы?»

* * *

– Я самая тупая в классе, – сообщила Юлька бабушке за ужином, обмакивая капустный пирожок в густую сметану.

– Так это сразу заметно, – сказала Анька и потянулась за следующим пирожком.

– Анна! – строго произнесла бабушка.

Старшая сестра не удостоила младшую взглядом.

– Я делаю домашнее задание в десять раз дольше, чем все остальные ученики, – закончила свою мысль Юлька, – Светлана Генриховна опрос такой проводила.

– Ну, так это как раз хорошо! – сказала бабушка. – Чего вершушки-то сшибать?

– Ты, кстати, на сегодня уже закончила ведь? Давай поиграем как-нибудь, – предложила с умильной улыбочкой Анька.

– Нет, еще не закончила. Еще надо народную песню записать от какого-нибудь старожила нашего села, – ответила Юлька.

– Кого сторожила? – недоуменно переспросила Анька.

– Да никого не сторожила! Отвянь!

– Старожил – это старый житель, Анечка, – пояснила бабушка.

– А он кого сторожил? – не унималась Анька.

– О-о-о, алямофо! – Юлька со стоном покрутила пальцем у виска и вышла из-за стола.

– Может, ты, бабушка, мне какую-нибудь песню продиктуешь? – спросила Юлька.

– Да, я ведь не здесь родилась, а тебе надо именно Раздольинскую песню. Сходи вон за дорогу, к сватье, она тебе их тыщу напоеет, – посоветовала баба Катя.

– Я с тобой пойду, – сообщила Анька.

Юлька хотела возразить, но махнула рукой:

– Ладно, пошли, а то на улице темно уже. Будет хоть кого волкам скормить, если нападут.

Мама с папой сидели в обнимку на диване и смотрели по телевизору Эркюля Пуаро. Девчонки оделись и вышли из дома.

Ноябрь отдувался за длинную теплую осень и торопливо закидывал землю снегом. Сильный ветер уже насадил через весь двор плотные снежные косы. На дороге завихаривала настоящая выюга. Сестры быстро добежали до дома папиных родителей. Юлька с трудом открыла тяжелую, обитую клеенками, дверь. В лицо дохнуло теплом и запахом нагретых на печке вале-нок.

– А вот и мы! – радостно известила Анька деда с бабушкой. К ее ногам подкатился крошечный кудлатый щенок. Хвост у него еще был слишком короток, потому он восторженно вилял всем телом. Анька завизжала от нежности:

– Ой, какое чудо!!! Как его зовут?

– Пырзик, – ответил ей дед Ваня, внимательно смотревший новости.

Юлька с бабушкой ушли в спальню, чтобы ему не мешать, а Анька осталась в коридоре играть со щенком.

Спальня была совсем маленькая: две кровати, разделенные узеньким проходом, старое трюмо с портретами молодых бабы и деда. Усевшись на мягкую постель, Юлька изложила бабе Вале свое задание:

– Мне надо на литературу записать народную песню нашей местности.

– У-у, да хоть десять, – бабушка обрадовалась. Это было для нее раз плюнуть. Какую вот только выбрать, чтоб ребятишкам интересно было?

– Что же тебе спеть-то? У меня Ольке с Людкой шибко нравилась песня «Как на кладбище Митрофановском отец дочку зарезал свою». Я сяду занавески строчить, их на кровать посажу, они катушки с нитками перебирают, я песни пою.

Юлька округлила глаза от такой тематики.

– Не, ладно, лучше про Дуньку. «Дунька по лесу ходила, грибки-ягодки брала», – начала напевать бабушка.

– Там, по-моему, в конце как-то не очень будет, – засомневалась Юлька. Она не раз слышала эту песню с довольно странным сюжетом: девушка нашла в лесу жука, принесла домой, а потом от этого жука родила ребенка с кудрявой головой.

– Ну, вот эту тогда. Мы ее с бабами на сенокосе часто пели, – и бабушка широко завела: Любила меня мать, уважала,

Была я ненаглядная дочь.
А дочь ее с милым убежала
В глухую ненастную ночь.

Бежала она лесом дремучим,
Хотела беглянкою быть.
Беглянская жизнь ей надоела,
И вспомнила родную мать.

Бабушка пела очень выразительно, страдальчески сводила брови и горестно качала головой.

На что мне зеленая роща,
На что этот свет голубой,
Как вспомню я милого речи,
Зальюся я горькою слезой.

Подруга к подруге приходила,
Она ей отраву дала.
Отрава моя недорогая
Стоит один пяточок.

Возьму же я спичек коробку,
В отварной воде их разведу.
Стакан на окошко поставлю
И эту отраву я приму.

Подружки, ко мне вы приходите,
Я буду лежать на столе.
Прошу вы меня не судите,
Заройте мой труп в тишине.

Юлька старательно записала трагическую песню.

– Станный какой-то способ она выбрала. Утопиться и то приятнее, наверное, было бы, – прокомментировала сюжет Юлька.

– Ой-ёё, – протянула бабушка, – мы ведь с подружкой Нинкой чуть вот так не отравились. Летом сорок второго, поди-ка... Все лето на крольчатнике с мамой робила. Травы, веток таскаешь-таскаешь, ни конца, ни края не видать. Всего двенадцать годов мне было. До того надоело! Бригадир шибко злой был, придет наругает нас с мамой, пошто-де коршунов да воронье не отгоняем – таскают крольчат. А я только и делаю, что с шестом бегаю, так руки намаю, поднять потом не могу. Нинка с матерью на курятнике эдак же. Вот и уговорились мы с ей отравиться. Я утром маме сказала, живот, мол, болит. Она меня оставила, сама на работу ушла. Я в чашку спичечных головок наломала, жду, пока размокнут. А маме навстречу Нинка попала, спрашивает про меня. Мама отвечает – захворала. Нинка ей и говорит: «Это она врет. Мы с ней травиться сговорились. А мне сегодня мама платок новый подарила, я и передумала». Как мама в избу забежала, навернула у меня эту чашку со спичками, на лавку пала и давай реветь. «Валюшка, да ты что же это!» Обнимает меня, целует. «Дак ведь как я без тебя буду!? Погляди ж ты на них – мал-мала...» Остальные ребятенки спали еще. «Ты ведь у меня первая помощ-

ница». Ревет-заливается. Мне до того стыдно! Реву шире мамы. Освободили меня, правда, от крольчатника. Водилась с Гринькой да Надюркой остаток лета.

Эту историю баба Валя раньше не рассказывала. Юлька вдруг со стыдом ощутила разницу: совсем недавно она сама глупо размышляла о смерти, лежа на лавке в школьном коридоре из-за того, что ее Гоша с урока выгнал, а тут бабушка, будучи еще младше ее, чуть не покончила с собой из-за реально непосильной работы.

Юлька взяла с трюмо большой пузырек с травяным шампунем, открутила массивную крышку и понюхала. Ароматный.

В спальню вошла Анька с толстеньким Пырзиком на руках. Блестящими черными глазками и круглыми мордашками они удивительно походили друг на друга.

– Дай мне тоже понюхать! – Анька плюхнулась рядом с сестрой на кровать и сунулась к шампуню.

Юлька подставила пузырек под нос младшей сестре и легонько надавила на него, чтоб лучше ощущался запах. То ли пузырек оказался слишком мягким, то ли нажатие слишком сильным, но Аньке в нос попала не дымка тонкого аромата, а целая струя зеленого шампуня. Пырзик мягко шлепнулся на дедову постель. Анька резко выдохнула. Под ноздрями надулись большие мыльные пузыри.

Кашель.

Рёв.

Мытье носа под краном.

* * *

– Я нечаянно! Честное слово! – горячо оправдывалась Юлька перед родителями после Анькиной жалобы.

– Не слишком ли много у тебя нечаянного в последнее время? – раздраженно спросила мама, заглядывая Аньке в нос под светом люстры. – Ну, вроде, все вымылось. Иди играй.

Анька убежала.

Мама тонко спросила старшую дочь:

– Ты вопросы в ящик к Светлане Генриховне закидывала?

Юлька приняла скучающий вид:

– Закидывала.

– И что тебя интересовало?

– Как аспарагусы размножаются.

– И все?

– И все.

Мама с сомнением покачала головой.

– А что, нельзя вопросы задавать? Она вообще-то для того этот ящик и повесила, – перешла в наступление Юлька.

– Ладно, не заводись. Спать уже пора укладываться. Аспарагусы так аспарагусы. Спокойной ночи! – мама поцеловала дочь в щеку и вышла из комнаты.

«Что за мода стучать?! – гневно думала Юлька о классной руководительнице, расстилая постель, – Вот повесит она еще свой ящик! Я ей таких вопросов назадаю – до пенсии думать будет!»

Глава 10

Юлька честно старалась не нарушать порядок на географии. Не столько ради оценок, сколько ради того, чтобы мама не страдала. Но и географ тоже должен тогда вести себя нормально, так ведь? А он вел себя из рук вон плохо. Шантажировал класс оценками. Задавал на дом одно, а спрашивал другое, чего и в учебнике-то вовсе не было. «Дополнительный материал должны читать!» Пацанам завышал оценки, а девчонкам занижал. К Юльке придирился нещадно. Без зазрения совести говорил ей: «Ты самая умная, с тебя и спрос больше». Тогда Юлька решила, что будет тупить. Раз все равно оценки нормальные не ставит – что двоечнику Булыгину, то и ей, значит и терять нечего.

Игорь Степаныч возле карты вещал о часовых поясах. Потом стал вызывать учеников и спрашивать: «Если в Москве полночь, то в Якутске сколько?» Одноклассники ориентировались с трудом. Гоша начинал злиться. Одного вызвал, другого, третьего – все «плавают».

– Столбова, иди к доске.

Юлька нехотя вышла.

– Покажи Москву и Якутск.

Юлька показала указкой Ленинград и Биробиджан и с улыбкой посмотрела на учителя.

Географа взорвало:

– Да ты что! Едрит твою через коромысло!

Юлька переспросила:

– Что-что?

Гоша рявкнул:

– Садись на место!

Юлька молча села, убрала в сумку учебник и тетрадь, достала журнал по вязанию и стала разглядывать модели. Скорей бы звонок...

* * *

Дальше были два урока физкультуры. На лыжах.

Восьмой класс выстроился вдоль лыжни на ровном поле за речкой. Сергей Сергеич показывал попеременный четырехшажный ход. Откуда-то из-за кустов выскочила большая рыжая собака и, заполошно гавкая, погналась за учителем по лыжне. Физрук остановился. Псина села и, наклонив голову набок, с умным видом уставилась на него. Пока он стоял на месте и показывал, как правильно работать руками и ногами, собака сидела и внимательно смотрела, запоминая технику лыжного хода. Но как только Сергей Сергеич начинал бежать, она срывалась с места и с громким лаем мчалась за ним, высоко закидывая задние лапы.

Юльке было очень смешно, но, чтобы не обидеть учителя, она скромно улыбалась в варежку. Раздосадованный Сергей Сергеич кричал на лохматую помеху и замахивался на нее лыжной палкой, собака отскакивала в сторону, но стоило учителю повернуться к ней спиной и побежать, как она снова принималась за свое.

Парни обстреляли нарушительницу порядка снежками, и она с визгом убежала собачьим четырехшажным ходом.

Вдруг Юльке прямо в лоб прилетел здоровенный комок снега, у нее даже в глазах потемнело. Она так увлеченно наблюдала за Сережей, что не заметила, кто из одноклассников совершил такую диверсию. Она протерла глаза и стряхнула снег с шапки. Все хохотали.

– Кто в меня кинул? – спросила она у Маринки, стоящей рядом.

– Я не видела, – ответила подружка.

Сергей Сергеич, усмехнувшись, сказал:

– Молодец, Ракитин! Точно в цель.

Андрей что-то насвистывал себе под нос и рассматривал дальний лес. Первым порывом Юльки было показать Ракитину кулак, но она почему-то не стала этого делать и до конца урока молча каталась на лыжах.

* * *

Вечером Юлька играла с папой в шахматы. Физрук определил ее в сборную школы на районные соревнования, и она старательно тренировалась. Сергей Сергеич привез в школу профессионального шахматиста из города. Как он его раздобыл, осталось загадкой даже для директрисы. В фойе школы на втором этаже расставили столы, и заезжий спортсмен провел со школьниками сеанс одновременной игры. Юлька много чего полезного узнала. Например, ей раньше очень нравилось начинать партию загадочным ходом боковой пешки. А тут, оказалось, что этот ход совсем непродуктивен, и лучше всего первыми выдвигать средние пешки, прикрывающие короля и королеву. Шахматист раз восемь обыграл Юльку, попутно комментируя свои действия. Особенно ей понравилось, до чего ловко он ходил конем. Конь у него был совершенно неуязвимым. Он нагло вгрызался в строй Юлькиных фигур, а сам ни разу не подставился под удар. Кое-что из этого мастер-класса Юлька запомнила и сейчас применяла в игре с папой.

Бывало, отец обыгрывал ее за пару минут, ставя «детский мат» в три хода. Это было очень обидно. Но теперь игра у них шла серьезная. Они оба подолгу думали над следующим ходом, и папа уже не раз почесал свою рыжую бороду: «Однако...».

– Ты уроки-то все сделала? – поинтересовалась мама, проходя через комнату.

– Нет, не все, – честно ответила Юлька.

– У вас завтра есть география?

– Есть.

– Ты ее выучила? – продолжала допытываться мама.

– Нет. И не буду, – ответила Юлька, – Там что учи, что не учи, результат один и тот же.

Чего энергию зря тратить.

– Ты же не ради оценок учишься, а ради знаний, – нравоучительно произнес отец и, смягчая менторский тон, добавил: – Плюнь ты на этого Степаныча и учись для себя.

Мама бросила неодобрительный взгляд на папу.

– Хорошо, завтра плюну, – пообещала Юлька и срубила ферзем папину ладью, – Тем более, что он меня сегодня обматерил.

Папа удивленно посмотрел на дочь и съел ее ферзя слоном.

– Ой! Вот, мама, это ты меня отвлекла со своей географией, – недовольно сказала Юлька, понимая, что партия проиграна.

– Иди, читай параграф, мне потом расскажешь, – велела Юльке мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.